

К ВОПРОСУ О СКЛАДЫВАНИИ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО УКЛАДА В РОССИИ XVIII ВЕКА *

С. Боровой

В настоящей статье я хочу обратить внимание на одну из сторон экономики России XVIII в., до сих пор мало затронутую исследованием, — на кредит и банки и на вопрос о их роли в хозяйственной деятельности, в экономической политике и экономической мысли тех лет. Формы организации кредита, обусловленные господствующим способом производства, ярко отражают социально-экономическую структуру общества; в них же реализуется важная часть экономической политики государства. Вопрос о кредите и банках являлся также одной из тех проблем, на которой останавливались различные представители экономической мысли, разрешая её в соответствии с классовой направленностью своей общезкономической концепции. Но кредит и банки должны нас интересовать в данном случае не только как «отразители» социальных процессов, экономической политики и экономической мысли. Маркс и Ленин неоднократно указывали, что на различных этапах исторического развития, в зависимости от сложившихся условий, кредит играет различную роль: иногда он выступает как ускоритель развития производительных сил и рождения новых производственных отношений, в других случаях — как сила консервирующая, тормозящая, но никогда не производит «реального разложения»¹ и т. д.

В своей статье «Крепостное хозяйство и зарождение капиталистических отношений в XVIII веке» проф. Н. Л. Рубинштейн привёл довольно много данных о банках². В основании банков он видит яркое доказательство развития товарно-денежных отношений, подрывавших натурально-хозяйственную основу крепостнического строя и открывавших путь капиталистическому развитию. Всё это, конечно, верно, но дело не только в этом. Н. Л. Рубинштейн не показал, что в деятельности банков и в кредитной политике обнаруживается сложная картина столкновения классовых тенденций, отражающая реальные противоречия социально-экономического развития и классовой борьбы.

* См. «Вопросы истории» № 12 за 1947 г. и № 3 за 1948 год.

¹ См. К. Маркс «Теории прибавочной стоимости». Т. III, стр. 382. М. 1936.

² Рубинштейн Н. «Крепостное хозяйство и зарождение капиталистических отношений в XVIII веке». «Учёные записки МГУ», стр. 105 и 120. Вып. 87-й. М. 1946.

В своей статье он не поставил и другого вопроса: о реальном значении банков в экономике России XVIII века. Какую же роль играли банки в экономическом развитии России XVIII века? Свидетельством каких тенденций они были? Способствовали ли они разложению крепостного строя или, наоборот, законсервированию старых социально-экономических порядков? Ответ на эти вопросы имеет немалое значение при решении той большой и сложной проблемы, которая сейчас ставится на обсуждение.

1

Когда мы говорим о кредите и его роли в экономике, следует помнить, что кредит облекается в различные формы (ростовщичество, деятельность органов публичного кредита — банков — и т. д.), выступает в различных областях хозяйственной жизни и в различных социальных сферах.

Издавна ростовщичество находило обширную арену деятельности в русской крепостной деревне, эксплуатируя, разоряя и закабалая мелкого производителя — крестьянина и ремесленника. «Капитал ростовщический, вместе с своим близнецом, купеческим капиталом, принадлежит к допотопным формам капитала, которые задолго предшествуют капиталистическому способу производства и наблюдаются в разнообразнейших общественно-экономических формациях»³.

О роли ростовщичества в русской деревне и в ремесле XVIII в. сохранилось очень мало материала. Но самый характер и значение этого явления совершенно ясны для нас, поскольку Лениным с исключительной глубиной была вскрыта роль ростовщичества в русской деревне в эпоху перехода от крепостничества к капитализму⁴. Крепостной русский крестьянин (так же, как и ремесленник) никогда не пользовался банковским кредитом. Правда, в самые первые годы XIX в. Заёмный банк выдал несколько ссуд превращавшимся в «вольных хлебопашцев» крестьянам для уплаты выкупа помещикам. Хотя в этом случае банк не изменял своей классовой функции — деньги в конечном счёте полностью попадали в руки помещика, — всё же правительство сочло недопустимой выдачу банками ссуд крестья-

³ К. Маркс «Капитал». Т. III, стр. 524. М. 1938.

⁴ См. Ленин. Соч. Т. 3, особенно стр. 319 и 333. Изд. 4-е.

нам, поскольку это могло дать повод заключить, «будто бы правительство невыгодно думает о положении помещичьих крестьян, содействуя со своей стороны их выкупу»⁵.

До середины XVIII в. ростовщики являлись единственными носителями кредита и во всех остальных областях хозяйственной жизни. У них получали ссуды купцы, а также основные, наиболее типичные клиенты ростовщического капитала — землевладельцы, которые «тратят деньги быстрее, чем приносит им их землевладение»⁶. Только организаторы мануфактур, начиная с Виннуса, Акемы и Марселеса, а также купеческие компании, проводившие внешнеторговые операции, пользовались иногда казёнными ссудами, большей частью беспроцентными. Эта практика, как известно, приобрела особенно большое развитие при Петре I. Но специального кредитного аппарата тогда ещё не было создано.

Официальная история банков в России начинается с 1754 года. Созданием банка явилось одним из звеньев в цепи тех мероприятий, которые были проведены П. Шуваловым и ознаменовали определённый, новый этап в экономической политике (соляная монополия, отмена внутренних таможен, монетная операция, генеральное межевание и т. д.). Одновременно были открыты два совершенно самостоятельных банка: Дворянский банк и «Банк для поправления в Санкт-Петербургском порту коммерции», обычно именовавшийся «Купеческим», позже «Коммерческим» банком⁷. Каждый из них имел свою особую линию развития, свою совершенно не совпадающую историю.

2

Первые планы создания банков в России были прежде всего связаны с планами кредитования внешней торговли — с целью её расширения и улучшения внешнеторгового баланса. Маркс указывал, что потребности «морской торговли и основанной на этой последней оптовой торговли» раньше всего вызывали необходимость «эмансипироваться от господства старомодных ростовщиков и монополизаторов торговли деньгами»⁸. Так было и в России.

Первым, кто выступил в России с планом организации банка, был Ю. Крижанич. В своём сочинении «Разговоры об владительстве», написанном примерно в 1663 г., Крижанич говорил о «мошнях», под которыми понимал купеческий банк⁹. Хотя план Крижанича остался невыполненным, но уже в 1665 г. Ордин-Нащокин попытался организовать в Пскове нечто вроде торгового банка, наделив определёнными кредитными функциями (за счёт «градских денег») зем-

скую избу. Этим он рассчитывал поднять торговлю Пскова, где иностранные купцы, используя недостаток средств у русских купцов, неорганизованность и дороговизну кредита, давали русским «маломожным» купцам ссуды, в результате чего получали возможность устанавливать низкие цены на русские товары. Несмотря на неудачу и этого плана, в «Новоторговом уставе» 1667 г. тот же Нащокин¹⁰ вновь декларировал план превращения земских изб в кредитные учреждения. Таким образом, делалась попытка реализовать неосуществившиеся псковские планы в масштабах всей страны¹¹.

В 1699 г. были повсеместно организованы земские избы, переименованные потом в магистраты. Этим органам купеческого самоуправления, по мысли законодателя, придавались известные кредитные функции. Казалось, осуществлялись проекты Ордина-Нащокина. Однако магистраты не превратились в купеческие банки. Их деятельность в конечном счёте свелась к выполнению обязанностей по развёрстке и сбору налогов и повинностей. В условиях непомерно тяжёлого фискального обложения в их распоряжении не только не было свободных сумм, которые можно было бы предоставлять в виде ссуд, но они сами бывали вынуждены иногда прибегать к займам у частных лиц на самых тяжёлых условиях¹².

Неуспех всех этих планов по созданию купеческого банка был, конечно, не случайным: он находит объяснение в неразвитости социально-экономических отношений.

3

Значительное расширение внутренних и внешних торговых связей в первой половине XVIII в. и промышленное строительство, неизмеримо возросшее по сравнению с предшествующим периодом, остро поставили вопрос о кредитовании торговли и промышленности. Правительство, которое только частично оказывало поддержку денежными ссудами торговым и промышленным предприятиям, и в эту пору не создало кредитных учреждений. Обычно выдача ссуд промышленникам производилась через Берг-или Мануфактур-коллегии, а торговым компаниям — через Коммерц-коллегию. Основной же формой государственной помощи частной промышленности оставалось наделение землёй, недрами и крепостной рабочей силой.

Понятно, что в это время должны были опять выдвигаться планы создания купеческого банка. В связи с этим в первую очередь следует вспомнить Посошкова, обнаружившего ясное сознание насущных потребностей прогрессивного развития страны и вместе с тем хорошую осведомлённость в

⁵ Семевский В. «Крестьянский вопрос в России». Т. II, стр. 235. СПб. 1888.

⁶ К. Маркс «Капитал». Т. III, стр. 541.

⁷ Полное собрание законов (ПСЗ). Т. XIV, № 10233.

⁸ К. Маркс «Капитал». Т. III, стр. 532.

⁹ Цитирую по изданию «Русское государство в половине XVII в.», стр. 27. СПб. 1859.

¹⁰ Базилевич К. «Новоторговый устав». «Известия Академии наук» № 7 за 1932 г. Отдел общественных наук, стр. 598.

¹¹ Подробнее об этом см. в моей статье «Попытки создания банка в России в XVII веке», в журнале «Деньги и кредит» № 1 за 1947 г., стр. 36 и сл.

¹² Кизеветтер А. «Посадская община в России в XVIII веке», стр. 535. М. 1903.

имевшемся уже опыте организации банков и в законодательной практике. Собственно говоря, Посошков предлагал провести в жизнь старые планы превращения ратуш в купеческие банки¹³. Интересно, что он предлагал давать долгосрочные ссуды из 6% годовых¹⁴, то есть проектировал такой же размер процента, какой в 1754 г. был установлен правительством в известном указе о ростовщичестве, как максимальный и который был введён русскими банками.

В 1728 г. с целью улучшения русского вексельного курса и облегчения торговых расчётов с иностранными контрагентами Верховный тайный совет принял решение об учреждении особой торговой комиссии в Амстердаме¹⁵. Решение это, повидимому, не было осуществлено. Тогда же один проектор, задавшись стремлением освободить русских купцов от зависимости по отношению к иностранному купечеству, представил план организации банка, орудующего многомиллионным капиталом. К сожалению, подробности этого плана нам неизвестны¹⁶.

Уже эти единичные факты говорят о том, что необходимость организации торгового и промышленного кредита на новых основаниях созревала в правительственных кругах так же, как и некоторыми представителями торгового капитала. Но и в эту пору ссудные операции продолжали осуществляться в старых формах, в условиях неорганизованного и непомерно дорогого кредита. Появление вексельного обращения (1729) почти ничего не меняло, так как не был организован учёт векселей. Что же касается ссудных операций Монетной конторы, то, поскольку по указам 1729 и 1733 гг. она давала ссуды только под залог драгоценных металлов, её никак нельзя отнести к органам коммерческого финансирования, как это ошибочно делает проф. Н. Л. Рубинштейн¹⁷.

Основание Купеческого банка не внесло заметного изменения в дело кредитования торговли и промышленности. Раньше всего следует напомнить, что Купеческий банк просуществовал очень недолгое время: в 1770 г. он уже фактически прекратил свою деятельность, а его официальная ликвидация произошла в 1782 году¹⁸. Сфера деятельности Купеческого банка была ограничена выдачей ссуд под залог товаров купцов-экспортёров, производивших «при Санкт-Петербургском порте коммерцию». Шувалов мотивировал своё предложение об основании этого банка примерно теми же аргументами, которые за девяносто лет до него выдвигал Ордин-Нащокин: «При петербургском порте ныне курс на российские деньги состоит высокий и чрезвычайные проценты должны давать для того, что во обращении в Петербурге денег имеется недостаточное

число, и российские купцы наличных денег мало имеют, отчего и коммерция может в улагод прийти»¹⁹.

В среде купечества возникли возражения против ограничения деятельности банка обслуживанием одних только петербургских купцов. В Комиссии о коммерции, созданной в 1760 г., говорилось о желательности распространить право получения ссуд на более широкий круг купечества²⁰. Но эти предложения были отклонены, и новая инструкция «о раздаче денег коммерческого банка» (1764) вновь подчеркнула, что банк даёт ссуды только «торгующим при Санкт-Петербургском порте российским подданным купцам»²¹.

Однако и в своей узко очерченной сфере банк не смог развить сколько-нибудь значительной деятельности. Как уже отмечалось, операции банка сводились только к выдаче ссуд. Банк не производил типичных и основных для коммерческих банков своего времени операций по учёту векселей, по вкладам, по межкупецким расчётам и т. д. Самая же выдача ссуд была ограничена, во-первых, крайне незначительными средствами банка, во-вторых, очень стеснительными условиями. В распоряжение банка казна отпустила всего 500 тыс. рублей (против 750 тыс. Дворянского банка), которые к тому же были выданы не сразу, и этот основной капитал не расширялся в дальнейшем, как это имело место в Дворянском банке. Так как банк не принимал вкладов, то его оборотные средства были лимитированы этой небольшой суммой. По первоначальному уставу, банк должен был выдавать ссуды сроком до шести месяцев из 6% годовых под залог товаров, находившихся на складах Петербургского порта. Купцы сочли эти условия чрезвычайно стеснительными в первую очередь ввиду краткосрочности ссуд. По взаимному уговору, в течение двух месяцев никто из купцов не обращался с просьбой о ссуде²². В результате срок ссуд был продлён до одного года²³.

Деятельность Купеческого банка не могла приобрести сколько-нибудь широких размеров. Средства банка в очень короткий срок были разобраны небольшой кучкой купцов, тесно связанных деловыми узами с президентом Коммерц-коллегии Евреиновым, и уже в 1764 г. более половины первоначального капитала банка числилось в просроченных ссудах и операции банка сводились преимущественно к пролонгации платежей одних и тех же займщиков²⁴. Прошло ещё немного лет — и у банка не оказалось средств даже на содержание штата²⁵.

¹³ Посошков И. «Книга о скудности и богатстве», стр. 216. М. 1937.

¹⁴ Там же, стр. 301.

¹⁵ ПСЗ. Т. VIII, № 5233.

¹⁶ Фирсов Н. «Русские торгово-промышленные компании в первой половине XVIII в.», стр. 45. 2-е изд. Казань. 1922.

¹⁷ Рубинштейн Н. Указ. соч., стр. 106.

¹⁸ ПСЗ. Т. XXII, № 15334.

¹⁹ Соловьёв С. «История России». Кн. V, стр. 786.

²⁰ Чулков М. «Историческое описание российской коммерции». Т. IV, Кн. V, стр. 238. М. 1786.

²¹ ПСЗ. Т. XVI, № 12213.

²² Соловьёв С. Указ. соч., стр. 793.

²³ ПСЗ. Т. XIV, № 10280.

²⁴ Там же. Т. XVI, №№ 12701, 12127.

²⁵ Там же. Т. XXI, № 14760.

Яркую иллюстрацию к вопросу о классовой природе кредитной политики правительства даёт история ликвидации Купеческого банка: в 1773 г. из средств Купеческого банка 250 тыс. рублей было передано банкиру Фредериксу²⁰, обслуживавшему ссудами придворную знать, а в 1782 г. оставшиеся средства были переданы Дворянскому банку для увеличения капиталов последнего. Этим актом была окончательно завершена ликвидация Купеческого банка²¹. Факты эти настолько выразительны, что не требуют комментариев.

И. Л. Рубинштейн колеблется в определении причин ликвидации Купеческого банка. Заявив несколько неуберенно: «Впрочем, передача капиталов этого банка Дворянскому банку может говорить и о намерении сосредоточения средств на кредитовании дворянства».— И. Л. Рубинштейн двумя строками выше пишет: «Повидимому, неудовлетворительная работа банка являлась одной из причин его закрытия»²². С последним утверждением мы не можем согласиться: банк с самого начала был поставлен в условия, исключающие возможность нормального развития.

И. Л. Рубинштейн перечисляет ещё несколько кредитных учреждений, которые, по его словам, действовали «на чисто коммерческих основаниях»: петербургскую и московскую «банковские конторы для обращения внутри России медных денег», а также ассигнационные банки в Ярославле, Астрахани, Н. Новгороде и В. Волочке²³.

Нам представляется необходимым внести корректив в это утверждение. Банковские конторы, или Медный банк (1758—1762), по мысли законодателя, преследовали две задачи: во-первых, способствовать привлечению в казну серебряной монеты (выдавая ссуду медной монетой, банк требовал возвращения ссуды на 75% серебряной монетой), во-вторых, при помощи Медного банка можно было избежать перевозки громоздких денежных масс²⁴. Однако Медный банк на деле свёл свои операции к другому: все его средства были розданы в виде ссуд (оказавшихся в основном безвозвратными) самому инициатору банка, И. Шувалову, уральским медным заводчикам, а также некоторым помещикам²⁵. Только в одном случае, в виде исключения, Медному банку было разрешено выдать ссуду недворянам, именно: петербург-

ским купцам, пострадавшим во время пожара пеньковых складов²⁶. Прекрасным резюме истории Медного банка может служить запись в дневнике Екатерины II: «Щедрость Сената тогда до того доходила, что Медного банка трёхмиллионный капитал почти весь роздал заводчикам, кои, умножая заводских крестьян работы, платили им либо беспорядочно, либо вовсе ничего, проматывая из казны взятые деньги в столицах»²⁷. Совершенно ясно, что о Медном банке меньше всего можно говорить, как о кредитном учреждении, действовавшем на «коммерческих основаниях».

Попутно отметим, что наряду с Медным банком существовал и такой, совсем оригинальный, как Банк артиллерийского и инженерного корпусов. Он был основан на деньги, полученные от перекладки старых пушек на медную монету²⁸. Но ещё Щербатов в своё время указал, что инициатор банка Шувалов был едва ли не его единственным клиентом²⁹.

Что же касается ассигнационных банков в Ярославле, Н. Новгороде и В. Волочке, то можно усомниться в реальности их существования. В Астрахани действительно существовал банк, правда, не ассигнационный, а купеческий. На его истории следует кратко остановиться.

Вопрос об организации банка в Астрахани — тогда довольно значительном торговом центре — возник ещё в 1760 г. в «Комиссии по коммерции». В инструкции Коммерческого банка, опубликованной в 1764 г., говорилось «об организации банка в Астрахани по образцу Петербургского»³⁰. В распоряжение банка сначала были ассигнованы ничтожные средства — 40 тыс. рублей³¹. В дальнейшем банк несколько увеличил свои средства, и в 1767 г. смог выделить 170 тыс. рублей для льготных ссуд погорельцам³². Интересно отметить, что перед Астраханским банком была открыта несколько более широкая сфера деятельности, чем перед Петербургским: ему были дозволены и вексельные операции. Есть основания полагать, что капиталы банка попали в руки небольшой группы «сильнейших и прворнейших купцов», орудовавших при небескорыстном содействии администрации в Рыбной конторе³³. Некоторое время существовал особый филиал Астраханского банка — Судный банк для поправления состояния живущих там армян (основан в 1779 г.). Его задача была совсем проста: он получил 50 тыс. рублей, которые должен был раздать

²⁰ Чулков М. Указ. соч. Т. IV. Кн. VI, стр. 728.

²¹ ПСЗ. Т. XXI, № 15534.

²² Рубинштейн И. Указ. соч., стр. 106.

²³ Там же.

²⁴ Тогда же «для облегчения коммерции» такие переводные операции было предложено производить через соляные конторы, провиантские канцелярии и т. д. (ПСЗ. Т. XIV, № 10777). Принимались и другие меры для облегчения денежных переводных операций (ПСЗ. Т. XIV, № 10766. Т. XVII, № 12419).

²⁵ Боровой С. «Банки в России в первые десятилетия их существования». «Сборник трудов Одесского кредитно-экономического института». Т. I, стр. 45—47. 1940.

²⁶ ПСЗ. Т. XV, № 11407.

²⁷ «Русский архив» за 1865 год, стр. 477.

²⁸ ПСЗ. Т. XV, № 11307.

²⁹ Щербатов М. «О повреждении нравов в России», стр. 58. СПб. 1808.

³⁰ ПСЗ. Т. XVI, № 12213.

³¹ Чулков М. Указ. соч. Т. II. Кн. II, стр. 398.

³² Гмелин С. «Путешествия по России для исследования трёх царств природы». Ч. 2-я, стр. 164. СПб. 1777.

³³ Озерецковский Н. «Описание Коды и Астрахани», стр. 119. СПб. 1803.

в виде ссуд армянам-купцам, «претерпевшим разорение от бежавших в 1771 г. калмыков»⁴⁰.

Приведёнными фактами исчерпывается скудная история банковского кредитования русской торговли на протяжении всего XVIII века. Все эти факты симптоматичны: они свидетельствуют о зарождении новых явлений в экономической жизни. Но говорить о реальном значении в это время банковского кредита для торговли ещё не приходится. Кредитование торговли осуществлялось в течение всего XVIII в., выражаясь словами Маркса, «старомодными ростовщиками». Говоря о России XVIII в., уместно вспомнить слова Маркса: «Капитал, приносящий проценты, ещё является здесь преддильювиальной формой капитала, которая ещё должна быть подчинена промышленному капиталу и стать от последнего в зависимое положение, которое он должен занять теоретически и практически на базисе капиталистического производства»⁴¹.

Осознало ли русское купечество во второй половине XVIII в. значение банковского кредита? Сколько мы знаем, вопрос о банковском кредите выдвигался только из среды купцов, связанных с внешнеторговыми операциями. Так, в 1761 г. в «Комиссию о коммерции» был представлен план «сочинения банка» с целью установления высокой монополевой цены на экспортную пеньку⁴². Хотя проектировщики ссылались на иностранный опыт, их план был весьма архаичным: в нём ничего не говорилось об обычных формах деятельности коммерческих банков — о страховых, вкладных, расчётных и т. п. операциях. В 1778 г. в комиссии, созданной для разбора вопроса о причинах падения русского вексельного курса, в которой активно участвовали и представители купечества, было принято решение «создать купеческие банки в Петербурге, Архангельске и Черноморских портах», чтобы вывести русское купечество «из вредной зависимости», в которой они находятся «у здесь живущих иностранцев»⁴³.

Любопытно отметить, что в купеческих наказах, составленных в связи с созывом Комиссии по уложению (1767), ничего не говорилось о банках (в отличие от дворянских наказов), хотя в них немало внимания уделялось вопросу о векселях, злостных банкротях и т. д.

В 1786 г. возник грандиозный план расширения деятельности Заёмного банка. В результате было принято решение о большом увеличении средств его за счёт допол-

нительной эмиссии⁴⁴, причём 11 млн. рублей специально предназначались для кредитования купечества, чтобы его «поставить в состояние не зависеть от ссуд иностранных, чем доселе стесняется торговля». Как видно из этого отрывка, а также из многих других мест любопытного проекта создания «сто-миллионного банка»⁴⁵, и в данном случае имелись в виду интересы преимущественно внешней торговли. Однако «купеческие» миллионы, едва попав на баланс Заёмного банка, сразу же были «одолжены» казначейством на покрытие неотложных военных расходов⁴⁶. Этим, отметим кстати, было положено начало широко распространившейся потом практике «заимствования» казначейством банковских средств. Таким образом, Заёмный банк не сыграл никакой роли в деле создания организованного и дешёвого торгового кредита.

В заключение отметим, что по вопросу о том, «сколь выгодно учреждение банков для коммерции», говорил в 1772 г. в своей речи образованнейший русский экономист того времени профессор Московского университета Иван Третьяков⁴⁷. Характерное совпадение: в том же году, когда была произнесена эта речь, князь Александр Куракин, в будущем крупный государственный деятель, посетил Лондон. Он с особым интересом ознакомился с Английским банком, «столь знаменитым своим кредитом»⁴⁸. Но когда, через четверть века, этот же Куракин стал во главе правительства, а его брат Алексей Борисович создал Вспомогательный банк для дворянства, обнаружилось, что в своей кредитной политике он вовсе не намерен был следовать примеру Английского банка, а вёл дело в полном соответствии с уже сложившимися традициями русских дворянских банков.

4

Причины, приведшие к росту задолженности дворянства в XVIII в., достаточно известны.

Н. Л. Рубинштейн связывает рост задолженности дворянства с «банкротством помещичьего предпринимательства и углубляющимся экономическим кризисом крепостного хозяйства»⁴⁹. Мне кажется, что эта формулировка несколько затуманивает то обстоятельство, что рост задолженности дворянства предопределялся самым фактом существования феодального поместья в условиях развивающегося денежного хозяйства. Про-

⁴⁰ ПСЗ. Т. XX, № 14853, Ср. «Санктпетербургский вестник» за 1779 г. Кн. III, стр. 747.

⁴¹ К. Маркс «Теории прибавочной стоимости». Т. III, стр. 345.

⁴² Чулков М. Указ. соч. Т. IV. Кн. IV, стр. 648.

⁴³ Фирсов Н. «Вопрос о причинах падения вексельного курса в царствование Екатерины II. Исторические характеристики». Т. I, стр. 222—232. Казань. 1922.

⁴⁴ Подробнее об этом см. в моей статье «Банки в России в последней четверти XVIII в.» в «Сборнике трудов Одесского кредитно-экономического института» (ОКЭИ). Т. II, стр. 97—103 (1947).

⁴⁵ Опубликован в сборнике РИО. Т. 28.

⁴⁶ Бржеский Н. «Государственные долги России», стр. 65—66. СПб. 1884.

⁴⁷ Третьяков И. «Рассуждение о причинах изобилия и медлительного обогащения народов», стр. 7. Москва. 1772.

⁴⁸ «Архив Куракиных». Т. V, стр. 414. Саратов. 1894.

⁴⁹ Рубинштейн Н. Указ. соч., стр. 119.

мысленные предприятия могли быть организованы крепостниками только при наличии особых, не часто встречающихся условий (собственное сырьё, производственные навыки крестьян, возможности сбыта и т. д.). Крепостное же поместье по самой своей природе не могло носить предпринимательский характер. Ленин, говоря об основанных на барщинной системе дворянских поместьях даже эпохи «крестьянской реформы», характеризовал их как «господское дело», противопоставляя эти хозяйства поместьям, основанным на капиталистической системе, где «требовалась организация земледелия как и всякого другого торгово-промышленного предприятия, а не как господского дела»⁵⁰.

Как упоминалось выше, до середины XVIII в. единственным источником получения ссуд были ростовщики, которые безраздельно господствовали в сфере кредитных операций. Основная масса ростовщического капитала обращалась в ссуды землевладельцам. Это же наблюдалось и в Англии конца XVII в., где удельный вес феодальных элементов в хозяйстве был значительно меньше, чем в России XVIII века. Дворянин, проматывающий свои земли, по уши погрязший в долгах, — типичнейший герой публицистических и художественных произведений XVIII века. Помещик, выведенный И. А. Крыловым в «Почте духов», заявлял: «Я не могу теперь взглянуть ни на один мой кафтан, ни на одну мою ливрею, которые не приводили бы мне на память заложённого села, или деревни». От мотов-землевладельцев имения и «души» зачастую попадали в руки заимодавцев за бесценок. Так, купец Барышников, к которому перешло (через поставное лицо) имение Салтыкова в 1200 душ, заявил, когда двое рабочих из его крепостных обварились паром насмерть: «Они мне недорого достались — всякая душа в 15 ковеек»⁵¹. Конечно, долги землевладельца уплачивал в конечном счёте тот же крестьянин, из которого «обременённый долгами рабовладелец или феодальный сеньёр высасывает больше, потому что из него самого больше высасывают»⁵². Задолжавшийся землевладелец принуждён делиться своими доходами с ростовщиком, а иногда вовсе «уступает своё место ростовщику, который сам становится землевладельцем»⁵³.

Правда, дворянское государство своими законодательными мерами сделало многое, чтобы не допустить легальный переход дворянских земель в руки представителей других сословий. Однако ростовщики из «неблагородного сословия» безуспешно прибегали ко всякого рода подставным лицам и различным юридическим трюкам. Кроме того не следует забывать, что среди ростовщиков были и дворяне. Об этом убедительно говорит, между прочим, выступление в Ко-

миссии по уложению депутата Кожина. Он предложил запретить дворянам заниматься ссудными операциями, давая деньги под закладные. Таким образом, они «избавятся от душегубного греха брать излишние проценты»⁵⁴.

Взору дворян, которые заглядывали в будущее, представлялась «страшная» картина утраты дворянством своих владений. А. Болотов писал: «Роскошь и непомерное мотовство большей части наших дворян скоро произведут то, что большая часть наших сёл и деревень принадлежать будут фабрикантам, купцам, подьячим, секретарям, докторам и лекарям, и не мы, а они господами и владельцами будут»⁵⁵.

В этих условиях поиски средств борьбы с ростовщичеством должны были занять заметное место в произведениях экономической мысли того времени. Очень много об этом говорилось в дворянских наказах и выступлениях в Комиссии по уложению. Если воронежское дворянство в очень общей форме высказалось о необходимости «лихоимство пресечь и совсем его пристойным образом истребить»⁵⁶, то дворянство некоторых других местностей имело совершенно конкретный план: оно выступало с предложениями учредить местные дворянские банки (ср., например, наказ орловского⁵⁷, вологодского⁵⁸ дворянства, выступление депутата Трубчевского уезда Бровцына⁵⁹ и др.).

Из русских экономистов-мыслителей XVIII в. только великий революционер-демократ А. Радищев, поборник революционного уничтожения крепостного строя, сумел совершенно иначе, с неизмеримо более широкой и научно продуманной точки зрения, подойти к вопросу о ростовщичестве. Сторонник «природной свободы» хозяйственного «действия», он с этой позиции подходил и к вопросу о «лихве». На этом вопросе Радищев остановился в своём «Проекте гражданского уложения», написанном примерно в 1801 году. «Деньги — суть знаки всякой цены, следовательно, всякой вещи. Подобно всякой другой собственности, их можно менять или продать, можно подарить, можно дать в заём, а заём с платежом за них процентов есть истинный наём. Кто имеет в чём какую-либо нужду и оную нанимает для своего употребления, тот платит по условию за то известную сумму. Для чего же за употребление чужих денег не дозволить платить по договору...» Радищев обнаружил прекрасное знание русской действительности, когда говорил о «бессильности законоположений», устанавливающих максимальный ссудный процент: «Лихва тем больше, процент тем дороже, чем больше может быть опасности в нарушении закона... Чем закон, запрещающий лихву, будет строже, тем

⁵⁴ Сборник РИО. Т. 4 (1869), стр. 203.

⁵⁵ Болотов А. «Записки». Т. IV, стр. 967. СПб. 1875.

⁵⁶ Сборник РИО. Т. 69 (1894), стр. 355.

⁵⁷ Там же, стр. 527.

⁵⁸ Там же. Т. 14 (1885), стр. 461.

⁵⁹ Там же. Т. 4, стр. 202.

⁵⁰ Ленин. Соч. Т. 3, стр. 159.

⁵¹ Семевский В. «Крестьяне в царствование Екатерины II». Т. I, стр. 76. СПб. 1903.

⁵² К. Маркс «Капитал». Т. III, стр. 527.

⁵³ Там же.

она больше будет». Исходя из социальной морали, Радищев, естественно, не мог считать ростовщиков, эксплуатирующих мотов-землевладельцев, «хуже» крепостников, эксплуатирующих крестьян: «Если не бесчестно получать прибыль от своего имени, то для чего же унижать и бесчестными в законе делать тех, которые получают прибыль от имени своего, в деньгах состоящего»⁶⁰.

Конечно, дворянское государство, поставшее во главе своей социальной и экономической политики защиту интересов дворянского землевладения, не могло стать на эту точку зрения. Дворянское государство по своей своей классовой природе должно было попытаться вырвать дворян-землевладельцев из рук ростовщиков и предупредить переход к последним дворянских земель.

Русские банки XVIII в. в первую очередь почти исключительно и выполняли эту функцию. Иное дело, что государство не могло предоставить для выполнения этой цели средства, соизмеримые с грандиозностью задачи, да и самая задача по самому своему существу была невыполнимой.

Говоря о возникновении банков. Маркс писал, что «кредитная система представляет вначале полемическую форму против старомодного ростовщика»⁶¹. Эта антиростовщическая «poleмическая форма» с необычайной яркостью и выступала в деятельности русских банков XVIII века.

5

Предистория Дворянского банка начинается с 1729 г., когда был издан указ, разрешивший Монетной конторе по просьбе несостоятельных должников выкупать утварь из драгоценных металлов, заложенную у займодателей. Как видно из этого, очень неясно изложенного указа⁶², и в этом случае речь шла о «списании» из рук ростовщиков. Это антиростовщическое направление в ярко выраженной полемической форме особенно громко прозвучало в указе 1733 г., которым значительно были расширены ссудные операции Монетной конторы. Там писалось: «Понеже многие российские наши подданные, имея в деньгах нужду, принуждены занимать у чужестранных и у прочих, с несносными великими процентами... и дают не токмо по 12, но и по 15 и по 20 процентов, чего во всем свете не водится, и т. д.»⁶³. Монетной конторе было разрешено выдавать ссуды из 8% сроком до 3 лет под залог драгоценных металлов.

Монетная контора вела свои кредитные операции до 1736 г., обслуживая ссудами только узкий круг придворной знати. Последняя, используя свою близость ко двору,

легко получала всякие поблажки: отсрочки платежей и т. д.

Указ 1733 г. был использован как прецедент также многими государственными учреждениями, по характеру своему совершенно далёкими от всякого рода кредитных дел. Известно, что к 1754 г. ссуды выдавали: адмиралтейств-коллегия, главный комиссариат, почтамт, иностранная коллегия, канцелярия главной артиллерии и фортификации и др. Эти ссуды никогда не шли на производительные нужды, и в большинстве случаев они никогда не возвращались⁶⁴.

Основанный в 1754 г. банк для дворянства с конторами в Петербурге и Москве и все созданные позже органы дворянского кредита проводили операции в значительно более широких масштабах, чем Монетная контора, но социально-классовая направленность и экономический смысл их деятельности были те же самые. В указе 1754 г., которым учреждался Дворянский банк, почти текстуально повторялась антиростовщическая сентенция указа 1733 г.: «Многие российские наши подданные, а более из дворянства, имея в деньгах нужду, принуждены занимать у других с великими процентами и закладами»⁶⁵ и т. д. Эта антиростовщическая «poleмическая форма» с меньшей силой звучит в уставе «ссудной казны» при Воспитательном доме (1772): «В казне же ссудной находим мы навязую пользу, что корыстолюбие ростовщиков, к общему сожалению поныне не искоренилось... но учреждается сия казна... сию немолимую алчность корысти... со времён вовсе истребить»⁶⁶. Примерно так писалось в манифесте 1786 г. об учреждении Государственного заёмного банка: «Паче и паче возвышаясь сильно от нас пособие на обуздание лихвы и т. д.»⁶⁷. И, наконец, в манифесте об учреждении Вспомогательного банка 1797 г. говорилось: «С крайним прискорбием видим, что многие роды дворянские, стоя под бременем долгов... впадая в руки алчных корыстолюбцев и ростовщиков, умножая число сих зловредных хищников...»⁶⁸.

Итак, на протяжении всего XVIII в. все кредитные мероприятия сопровождалась антиростовщической полемикой. Дело не только в устойчивости фразеологии, но и в том, что все русские кредитные учреждения XVIII в. возникали как «реакция против ростовщичества»⁶⁹, и все они, за единственным исключением недолго существовавшего Купеческого банка, были поставлены на службу дворянству.

Напомним, какие органы дворянского кредита существовали в XVIII веке. Основанный в 1754 г. Банк для дворянства был в 1786 г. реорганизован в Государственный заёмный банк. В 1797 г. был основан Вспомогательный

⁶⁰ Радищев А. «Материалы и исследования», стр. 130. М. 1936.

⁶¹ К. Маркс «Теории прибавочной стоимости». Т. III, стр. 346.

⁶² ПСЗ. Т. VIII, № 5463.

⁶³ Там же. Т. IX, № 6300.

⁶⁴ ПСЗ. Т. XIV, № 10233.

⁶⁵ Там же. Т. XIX, № 13909.

⁶⁶ Там же. Т. XX, № 16407.

⁶⁷ Там же. Т. XXIV, № 18274.

⁶⁸ К. Маркс «Капитал». Т. III, стр. 530.

банк для дворянства, который в 1802 г. был влит в Заёмный банк как отдельная часть последнего⁷⁰. Это были чисто государственные учреждения. Наряду с ними действовали и сословные кредитные учреждения: в 1772 г. были учреждены Вдовья, Судная и Сохранная казны при Петербургском и Московском воспитательных домах. В 1775 г. губернским приказом общественного призрения разрешалось проводить кредитные операции. Власти строго следили за тем, чтобы приказ как судное учреждение сохранял дворянско-сословный характер. Когда, например, выяснилось, что в Выборгском наместничестве приказ выдавал ссуды не только под залог дворянских имений, но и чиновникам под так называемые «гейматы» (земли на «крестьянском праве»), это было строжайше запрещено, и выданные ссуды было предписано немедленно взыскать⁷¹. В соответствии с § 54 «Жалованной грамоты дворянству» 1785 г. было допущено учреждение «дворянских казён» при губернских депутатских собраниях. Учреждённый в 1769 г. Ассигнационный банк, наряду со своей основной, эмиссионной функцией иногда по особым распоряжениям выдавал ссуды особо знатным лицам; ещё большее значение он имел как источник финансирования Дворянского банка.

Все только что перечисленные кредитные учреждения выполняли одну задачу: предоставляя дешёвый кредит крепостникам, они должны были предотвратить необходимость обращаться к услугам ростовщиков со всеми вытекающими отсюда последствиями; одновременно они должны были «спасать» от ростовщиков уже задолжавшихся помещиков. Если не говорить о вкладах (которые банки стали принимать не сразу), все эти банки знали только одну операцию: они давали ссуды из 6% годовых под залог «душ».

И вся история этих кредитных учреждений заключалась в постепенном росте их средств, представлявшихся в виде ссуд землевладельцам, и в облегчении условий кредитования — увеличении размера ссуд и удлинении их срока. Ссуды выдавались сначала сроком не более чем на 3 года. Но едва прошли первые 3 года деятельности банка, как дворяне явственно обнаружили нежелание покрывать долги, и срок ссуд был удлинён до 4 лет, в 1761 г. — до 8 лет⁷², в 1786 г. — до 20 лет, Вспомогательный банк

⁷⁰ Рубинштейн Н. Указ. соч., стр. 120. Среди органов «финансирования дворянства» он упоминает ещё учреждённые в 1775 г. банковские экспедиции в Оренбурге, Казани и Н. Новгороде. Следует отметить, что это были временные учреждения, дешёвым кредитом оказывавшие помощь дворянам, пострадавшим во время восстания Пугачёва. Экспедиции были ликвидированы в 1785 году.

⁷¹ ПСЗ. Т. XXIII, № 17436.

⁷² См. в моих статьях в «Сборнике трудов ОКЭИ». Т. I, стр. 41, и в «Сборнике трудов ОКЭИ». Т. II, стр. 100; Рубинштейн Н. (указ. соч., стр. 120) ошибочно указывает, что максимальный срок ссуд был установлен в 3 года

устанавливал 25-летний срок ссуд, в начале XIX в. ссуды выдавались ещё на более длительный срок — на 24 и 37 лет. Увеличивались и размеры ссуд, выдаваемых под одну «душу»: сначала давали 10 руб., в 1766 г. — уже 20 рублей; далее оценка «души» всё время повышалась, отражая рост стоимости крестьян на рынке; в 1786 г. — 40 руб., в 1804 г. — 60 рублей. Постепенно банковская оценка стала очень близко подходить к их рыночной стоимости, особенно, если учесть, что закладывались главным образом разорённые имения⁷³. Сохранная казна выдавала ссуды примерно на тех же условиях, но всё же менее выгодных, чем Государственный заёмный банк.

Банк для дворянства начинал свои операции, имея только 750 тыс. руб., полученных от казначейства. Постепенно государство, несмотря на постоянную острую нужду в деньгах, увеличивало средства банка. Важнейшим источником пополнения стали эмиссии Ассигнационного банка. Так, например, 15 ноября 1771 г. было дано распоряжение о выдаче из Ассигнационного банка 600 тыс. руб. «для раздачи займам дворянству»⁷⁴. За этим последовало ещё несколько аналогичных распоряжений. Всего к 1786 г. собственный капитал банка измерился в 6 млн. рублей⁷⁵. В 1786 г. было принято решение об увеличении эмиссии бумажных денег до 100 млн. руб., причём 22 млн. руб. должны были быть переданы в распоряжение Заёмного банка специально для выдачи ссуд дворянству. Следует, однако, сказать, что эти 22 млн. руб. не пошли по назначению, как предполагало большинство историков русских финансов и за ними и Н. Л. Рубинштейн, а были переданы правительству на покрытие неотложных военных нужд⁷⁶. Всё же в 1796 г. за должниками Заёмного банка числилось более чем 11 млн. руб.⁷⁷, а Вспомогательный банк для дворянства с 1798 г. по 1802 г. выдал ссуд особыми денежными бумагами на 50 млн. рублей⁷⁸. Немалые суммы были в распоряжении Сохранных казён: в 1787 г. — 8,5 млн. руб.⁷⁹, а в 1793 г. в одной только Московской конторе — 8,2 млн. рублей⁸⁰. Значительно мень-

⁷³ См. в моей статье в «Сборнике трудов ОКЭИ». Т. I, стр. 43.

⁷⁴ Архив Государственного совета. Т. I. Ч. 2-я. стр. 523. СПб. 1869.

⁷⁵ ПСЗ. Т. XXII, № 16407.

⁷⁶ Чечулин Н. «Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II», стр. 559. СПб 1906. Новые данные для обоснования этого см. в моей статье в «Сборнике трудов ОКЭИ». Т. II, стр. 102.

⁷⁷ Storch H. «Supplementband zum 5—7 Teil des historisch-statistischen Gemäldes des Russischen Reich», S. 62—63. Leipzig. 1803.

⁷⁸ ПСЗ. Т. XXVII, № 20336.

⁷⁹ Пятковский А. «С.-Петербургский воспитательный дом под управлением Бецкого». «Русская старина» за 1875 год. Т. II, стр. 535.

⁸⁰ Филимонов Д. «Кредитные учреждения Московского воспитательного дома». «Русский архив» за 1876 год. Т. I, стр. 270.

шими средствами орудовали приказы общественного призрения и в особенности губернские дворянские казны.

Из приведенных выше цифр видно, что средства, которыми оперировали органы кредитования дворянства, были немалыми. Значение этих цифр ясно скажется, если мы сравним их с государственным бюджетом того времени. В 1764 г. государственный бюджет измерялся в 21 млн. руб., в 1787 г. — в 48 млн. руб., в 1796 г. — в 68 млн. рублей. Между тем можно считать, что к 1787 г. Заёмным банком, сохранными казнами и приказами из собственных средств и вкладов дворянам было роздано ссуд около 18—20 млн. рублей. Эта сумма равнялась не менее трети годового бюджета. В последние годы XVIII в., когда примерно к 25 млн. руб., розданных из старых кредитных учреждений, прибавились 50 млн. руб. Всепомогательного банка, общая сумма выданных ссуд превысила годовой бюджет.

Из всего этого видно, каким громадным бременем для государственных финансов была попытка обеспечения дворянства дешёвым кредитом. Между тем финансовое положение страны было в те годы крайне тяжёлым. В результате отвлечения громадных средств для кредитования дворянского землевладения не было возможности уделить средства на самые неотложные нужды государственного управления и народного хозяйства. В частности, в это время почти совершенно прекратилось государственное кредитование частных торговых и промышленных предприятий, что не могло, естественно, не тормозить развития производительных сил страны.

Но, может быть, те громадные жертвы, которые приносило правительство, кредитую дворянское землевладение, имели какой-нибудь экономический смысл, иными словами, способствовала ли кредитная политика государства и охарактеризованная выше деятельность банков развитию производительных сил страны? На этот вопрос следует с полной категоричностью ответить отрицательно.

Все ссуды, которые получали земледельцы как от ростовщиков, так и от банков, шли в подавляющей своей части не на производительные нужды, а на покрытие «дыр» в бюджете, который не только не уменьшался, а всё время рос в соответствии с «денатурализацией» дворянского бюджета и с общим подъёмом уровня дворянского обихода. При этих условиях, с экономической точки зрения, была ясна полная бесперспективность ссудной помощи дворянству. Дворянство всё более приучалось к мысли, что «его» государство обязано помогать ему всякого рода денежными подачками. И банковские ссуды оно склонно было рассматривать как пенсии, награды, «аренды» и т. п., а не как деньги, получаемые на срок, подлежащие возврату, по которым следует аккуратно платить проценты. Практика Дворянского банка с его пролонгациями ссуд, с частыми случаями отсрочек по платежам, с

бесчисленными изъятиями из правил, дедаемыми в угоду особо знатным и влиятельным клиентам, неизбежно должна была только укреплять в широких слоях дворянства эти представления.

Говоря об органах кредитования дворянства XVIII в., уместно вспомнить, что писал Ф. Энгельс об этом вопросе. Хотя в письме к Н. Даниельсону (1886 г.) по этому поводу Ф. Энгельс писал о положении дел во второй половине XIX в., всё им сказанное с полным правом может быть отнесено и к интересующей нас эпохе: «Боюсь, что ваш дворянский земельный банк приведёт к тем же результатам, к каким привели прусские земельные банки. Здесь дворянство заключало займы под предлогом улучшения своих поместий, но на самом деле тратило большую часть полученных денег на поддержание привычного образа жизни, на картёжную игру, на поездки в Берлин и главные города своих провинций и т. п. Дворянство считало своим первым долгом — жить соответственно достоинству своего сословия, а первым долгом государства — помогать ему выполнять эту задачу. Таким образом, несмотря ни на какие банки, ни на какие громадные, прямые и не прямые, денежные подачки им со стороны государства, прусские дворяне находились по-уши в долгах у ростовщиков»⁸².

Следует сказать, что когда периодически возникали проекты значительного увеличения ассигнований для кредитования дворянства, то наряду с основными «антиростовническими» аргументами выдвигались иногда и «экономические соображения». Так, в Записке комиссии, принявшей в 1786 г. решение о дополнительном ассигновании 22 млн. руб. для кредитования дворянства⁸³, между прочим, писалось: «Земледелие есть, как фабрика, требующая своего капитала в деньгах, в строениях, в орудиях и сверх того в скотоводстве... Дворяне, особливо в селениях своих живущие, суть российские фермеры». Приведённое замечание носит явный отпечаток модных тогда экономических идей. Но нужно было потерять всякое чувство реальности или совершенно не понимать смысла употребляемых терминов, чтобы назвать русского крепостника «фермером», а русское крепостное поместье — «фабрикой». Вся практика кредитования землевладения в XVIII в., да и позже, говорит о совершенно другом: кредит шёл на покрытие потребительских нужд земледельцев. При этих условиях рост задолженности дворянства был явлением совершенно закономерным и неотвратимым. Но также закономерны были в условиях политического господства дворянства настойчивые поиски средств ликвидации этой задолженности при помощи различных государственных мероприятий. Так, в 1786 г. вместе с ассигнованием 22 млн. руб. на кредитование дворян вводились особые условия выдачи ссуд. Предусматривалось, что одновременно с уплатой процентов будет постепенно погашаться и самая

⁸² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVIII, стр. 6.

⁸³ Опубликована в «Архиве Государственного совета». Т. I, Ч. 2-я, стр. 532—562.

⁸¹ См. мою статью в «Сборнике статей ОКЭИ». Т. II, стр. 108—109.

ссуда и таким образом дворяне «автоматически» очищаются от задолженности. Погашение ссуд было «строго математически» вычислено. Однако в основу «математики» были положены совершенно фантастические расчёты и предположения. Ещё более грандиозные планы связывались с Воспомогательным банком. Он должен был давать ссуды только тем дворянам, поместья которых были в закладе у ростовщиков. Получив ссуды, должники должны были рассчитаться со своими займодавцами и в течение 25 лет ликвидировать свою задолженность. При этом весь расчёт погашения ссуд строился на совершенно утопических основаниях.

Хотя устав банка предусматривал возможность энергичного воздействия на неплательщиков, вплоть до продажи заложенного имущества, на практике к последнему средству почти не прибегали, так как такое мероприятие находилось в полном противоречии с основной социально-политической задачей дворянских банков: «А имение бы в фамилиях сохранено быть могло»⁸⁴, или, как тогда же (1759) мотивировалось на заседании сената: «Дабы дворянство, этот первый член государственной, не лишился имений»⁸⁵. Но если даже имение переходило банку, то и тогда оно фактически оставалось в руках помещика-должника. В указе 1759 г. говорилось: «Которое имение за неплатёж денег вступило в конфискацию, оное отдавать возвратно в сессию помещику со взятием обыкновенных процентов»⁸⁶. На банковском балансе годами «висели» совершенно безнадежные долги. Так, например, в 1804 г. государственный совет разобрал вопрос о списании долгов, сделанных ещё до 1786 года⁸⁷. Департамент экономики Государственного совета совершенно чётко разъяснил в 1811 г. социально-политический смысл такой «филантропической» политики банка, но ему же были ясны деловые последствия такой практики. «Одним из коренных начал Заёмного банка и 25-летнего отделения оного постановлено: залогов по просроченному долгу не продавать, брать оную в опеку, и из дохода с заложенного имущества выбираются банком в ссуду данный капитал и проценты, с него подлежащие. Целью сего постановления было сбережение частной собственности. Спасительности оной отрицать нельзя, но для банка от сего происходят великие затруднения, поелику известно, что просроченные займицами капиталы возросли уже ныне до весьма значущих сумм, управление же секвестрированных по сим займам имений в уездных опеках так неуспешно, что с редкого из них можно надеяться получить достаточный доход на уплату процентов и части капитала, банку следуемых»⁸⁸.

Приведённых фактов, число которых легко можно было бы умножить, достаточно для того, чтобы показать, к чему сводилась ос-

новная задача кредитования дворянства. Миллионы рублей, направленные на кредитование дворянского землевладения, не сыграли никакой роли в деле хозяйственного развития. Наоборот, они тормозили процесс мобилизации земель и способствовали этим самым консервации крепостнических отношений.

Но если основная функция органов кредитования дворянства ни в какой мере не способствовала развитию капиталистических отношений, а, наоборот, тормозила их, то вместе с тем эти же кредитные органы выполняли и другую функцию, действовавшую в противоположном направлении.

6

Русские банки в XVIII в. являлись очень важными факторами первоначального капиталистического накопления.

Эта сторона деятельности русских кредитных органов XVIII в. оставалась до сих пор неосвещённой. Между тем она представляет интерес при анализе условий формирования капиталистического уклада в России.

Выше уже указывалось, что сначала русские банки производили только одну операцию: давали ссуды. Но уже в 1764 г. в одном из указов говорилось о желательности привлечения в дворянский банк вкладов от «партикулярных лиц»⁸⁹. А в обнародованном в 1766 г. проекте реорганизации банка предусматривался приём вкладов от частных лиц⁹⁰. О необходимости привлечения в Дворянский банк частных вкладов говорили немало и в Комиссии по уложению. Так, например, кашинский депутат предлагал обязать дворян, занимавшихся ссудными операциями, славить свои деньги в банк⁹¹.

Это может показаться неожиданным, но банк в течение долгого времени не хотел использовать права получения вкладов. Опыт банка показывал, что очень легко давать деньги в ссуду, но почти невозможно получить их обратно, довольно трудно даже взимать проценты по ссудам. Поэтому, естественно, возникло опасение, что полученный вклад банк не сможет вернуть по требованию и что неоткуда будет платить проценты. Однако правительство настаивало на развитии вкладных операций Дворянского банка. В 1770 г. был издан указ, предписывавший банку приём частных вкладов, так как это «почитается для государства полезным»⁹².

Всё же вкладные операции Дворянского банка развивались сначала медленно. Так, в 1775 г. в нём числилось вкладов всего на 854 тыс. рублей⁹³. Очевидно, руководители банка сознательно тормозили приём вкладов — и не без основания. В том же 1775 г. банк оказался не в состоянии удовлетворить требования о выдаче вкладов. Понадобились специальные ассигнования государства, а также «высочайший указ», которым в тор-

⁸⁴ ПСЗ. Т. XV, № 10973.

⁸⁵ Соловьёв. С. Указ. соч. Т. V, стр. 1128.

⁸⁶ ПСЗ. Т. XV, № 10973.

⁸⁷ «Архив Государственного совета». Т. III. Ч. 2-я, стр. 684.

⁸⁸ Там же. Т. IV. Ч. 1-я, стр. 309.

⁸⁹ Там же. Т. XVI, № 12120.

⁹⁰ Там же, № 12719.

⁹¹ Сборник РИО. Т. 4, стр. 203.

⁹² ПСЗ. Т. XVIII, № 15481.

⁹³ Там же. Т. XX, № 20473.

жественной форме гарантировались банковские вклады⁹⁴. Таким образом, уже в конце XVIII в. банковские вклады, учитывая государственный характер русских банков, превращались в деле в форму кредитования государства, в государственный долг. Уже в 1793 г. в Заёмном банке числилось примерно на 4,5 млн. руб. частных вкладов⁹⁵.

Значительно большие суммы накапливались в распоряжении сохранных казён. В 1781 г. в сохранных казнах числилось вкладов 4,7 млн. руб., а в 1787 г. — 8,5 млн. рублей⁹⁶. К концу века вклады сохранных казён ещё более возросли. В 1793 г. только в Московской сохранный казне было на 8,2 млн. руб. вкладов.

Что касается приказов общественного призрения, то и в них оседали не такие уж малые суммы. Если в 1783 г., по данным Зябловского-Десятовского, у них была приблизительно десятая часть средств сохранных казён⁹⁷, то, по данным 1811 г., в приказах числилось на 14 млн. руб. капиталов⁹⁸.

Рост вкладов в кредитных учреждениях, было охарактеризованный выше, свидетельствовал о дальнейшем росте денежных отношений, что следует рассматривать как одно из проявлений первоначального накопления. К сожалению, мы не можем установить с точностью происхождение этих вкладов. В основном они были дворянскими, но некоторая часть их принадлежала и купечеству.

В самые последние годы XVIII в. и в особенности в первые годы XIX в., мы наблюдаем резкий рост вкладов в кредитных учреждениях. Он объясняется не столько общими экономическими причинами, сколько особыми мероприятиями государства. С целью привлечения частных вкладов в Заёмный банк в 1797 г. была увеличена норма процентов⁹⁹; в 1801 г. был издан указ, подтверждающий все преимущества Заёмного банка, в частности гарантию частных вкладов от секвестров¹⁰⁰; в 1797 г. Воспитательный дом получил ряд новых привилегий, и его кредит, несколько поколебленный до этого выпуском «билетов сохранный казны», был полностью восстановлен. Перечисленные и некоторые иные мероприятия, направленные на усиление привлечения вкладов в кредитные учреждения, объяснялись в первую очередь тем, что главным зайщиком становилось само государство и кредитные учреждения превращались в органы кредитования государства. В конце XVIII и в начале XIX в. важнейшим источником покрытия государственного дефицита, всё увеличивавшегося в связи с непрекращавшимися войнами и международными осложнениями, ста-

ли займы в кредитных учреждениях. В связи с этим изменилась кредитная политика. Как ни стремилось правительство в соответствии с основной направленностью экономической и социальной политики через банки оказывать всемерную помощь дворянским землевладениям дешёвым кредитом, сейчас жизненные интересы государства со всей настойчивостью диктовали необходимость перемены кредитной политики: началось сокращение и даже временное прекращение выдачи ссуд частным лицам, зато всячески привлекались вклады, которые обращались в краткосрочные и долгосрочные ссуды казне. Таким образом, государственный долг в значительной своей части образовывался из сумм, одолженных государством у вкладчиков банка и сохранных казён.

Каких размеров достигали казённые займы в банке и в Воспитательном доме, видно из следующих записей в государственном бюджете. В 1799 г. «в Заёмный банк на платёж процентов и капитала» было внесено 381 тыс. руб., в 1800 г. — 379 тыс. руб., в 1801 г. — 519 тыс. рублей. С каждым годом эти цифры росли. То же мы видим по Воспитательному дому: в 1800 г. — 421 тыс. руб., в 1801 г. — 131 тыс. руб., в 1802 г. — 676 тыс. руб. и т. д.¹⁰¹ На 1810 г. при эмиссионном долге в 577 млн. руб., при долге по внутреннему займу всего в 3 млн. руб., казна была должна Заёмному банку и Воспитательному дому 86 млн. рублей¹⁰².

В условиях медленного развития промышленности и слабого расширения товарооборота, при отсутствии нормально действующих коммерческих банков не было ничего удивительного в том, что Заёмный банк и сохранные казны при Воспитательном доме привлекали частные вклады. Гарантированные казной 5% годовых представляли собой значительный соблазн для тех, у кого накапливались свободные средства.

К. Маркс чётко и образно показал роль государственного долга в процессе первоначального накопления: «Государственный долг делается одним из самых сильных рычагов первоначального накопления. Слово прикосновение волшебного жезла он одаряет непронзводительные деньги производительной силой и превращает их таким образом в капитал, устраняя всякую надобность подвергать их опасностям и затруднениям, неразрывно связанным с помещением денег в промышленность и даже с частично-ростовщическими операциями»¹⁰³.

В условиях России конца XVIII — начала XIX в. государственный долг выступал главным образом в форме банковских вкладов. Вот почему при анализе конкретных условий складывания капиталистического уклада в России XVIII в. должна быть освещена и эта сторона деятельности банков.

⁹⁴ ПСЗ. Т. XX. №№ 14322, 14338. Ср. также №№ 14820, 14912.

⁹⁵ Storch Н. Указ. соч., стр. 62—63.

⁹⁶ Пятковский А. Указ. соч., стр. 535.

⁹⁷ Зябловский - Десятовский Г. «Киселёв и его время». Т. IV, стр. 351.

⁹⁸ Архив Государственного совета. Т. IV, стр. 303.

⁹⁹ ПСЗ. Т. XXV. № 19120.

¹⁰⁰ Там же. Т. XXVI, № 19834.

¹⁰¹ «Финансовые документы царствования Александра I». Сборник РИО. Т. 45, стр. 83—205.

¹⁰² «Министерство финансов 1802—1902», стр. 172. СПб. 1902.

¹⁰³ К. Маркс «Капитал». Т. I, стр. 706. М. 1937.